

ВНЕШНЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОКРАТИЗА- ЦИЮ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОСТТОТАЛИ- ТАРНЫЙ ПЕРИОД

Вопрос о демократизации постсоветских государств

Рубеж 1980-1990-х годов характеризуется крушением социалистической системы, авторитарных режимов, процессом утверждения демократических институтов в новых восточно-европейских и постсоветских государствах. В 90-х годах XX в. «демократия рассматривалась как единственная легитимная и жизнеспособная альтернатива централизованной системе и авторитарному режиму любого типа» [1]. Однако, по убеждению западных исследователей, «крушение коммунизма в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза не привело к немедленному укреплению либеральной демократии на этих территориях» [2]. В политической науке появляется новый термин «демократизация», а исследователи занимаются поиском определенного значения для этого понятия. Демократизацию рассматривают как переход от недемократических форм правления к демократическим формам. При этом, как выявилось спустя десятилетия, процесс не может быть «уложен» в заданные временные рамки, т.е. вопрос о том, следует ли форсировать процессы демократизации, открыт для дискуссии. В самой практике распространения демократических ценностей отмечен ряд особенностей, которые подтверждают сложность и многозначность проблемы. К примеру, демократизация на постсоветском пространстве в большинстве случаев не заканчивается созданием консолидированных демократий. Впрочем, как и исходные характеристики «демократии» трансформирующихся политических режимов имеют значительные различия между странами Восточной Европы и посттоталитарными режимами Центральной Азии [3]. Признавая первичным то обстоятельство, что установление демократии в государстве является внутренней потребностью общества, и оно стремится достичь своей цели, выбирает имеющиеся на тот момент пути и средства, остановимся на роли внешних факторов.

Внешнее влияние на демократизацию посттоталитарного режима осуществляется, как правило, по нескольким направлениям, с использованием различных средств, методов, инструментов:

1. «Мягкое давление» на новые государства со стороны международного сообщества с целью вхождения их в это со-

общество в соответствии с общепринятыми в мире правилами и обязательствами, которые зафиксированы в Уставе ООН, Декларации прав человека ООН, в Хельсинском заключительном акте или Европейской конвенции по правам человека и др.

2. Такого рода мягкая сила по распространению и утверждению демократии далее остается как важный элемент политики в рамках многосторонней дипломатии, осуществляемой на базе международных организаций – ООН, ОБСЕ, ЕС, Совет Европы. ОБСЕ в плане поддержки демократизации региона Центральной Азии поставила перед собой ряд серьезных задач – сделать Центральную Азию важным приоритетом, используя дипломатические миссии высокого, а также обычного уровня, чтобы повысить доверие к ней со стороны принимающих правительств. Действительно, были созданы миссии на местах, БДИПЧ и Бюро Верховного комиссара по делам национальных меньшинств, а также Центр по предотвращению конфликтов с привлечением экспертов извне. Со стороны ОБСЕ продолжают усилия в области прав человека и демократизации, внимание к развитию действенных политических институтов, в т.ч. оппозиционных политических партий и реального политического диалога.

Не стал исключением Европейский Союз, поместивший права человека в центр своих отношений со всеми третьими странами, включая своих стратегических партнеров. Уже 16 декабря 1992 г. Европейское Сообщество приняло Декларацию глав государств и правительств стран-членов ЕС о готовности содействовать процессу демократизации в бывшем СССР. С тех пор сотрудничество в области прав человека, правовых реформ, надлежащего государственного управления и демократизации поддерживается проектами содействия ЕС и стран-членов ЕС и нацелены на развитие усилий по реформам.

С 1994 г. в регионе действуют Программы партнерства с НАТО, ставящие в том числе цель поддержки демократических преобразований на основе соответствующих договоров с каждой из стран региона ЦА. Но существует устойчивое мнение о том, что «НАТО методически и настойчиво развивает свой военный аппарат – на Восток Европы и в континентальный охват России с Юга. Тут и открытая материальная и идеологическая поддержка цветных революций, и парадоксальное внедрение Североатлантических интересов в Центральную Азию» [4].

3. Демонстрационный эффект успешной демократизации. Под ним подразумевается как международный опыт западной демократии на примере стран Европы или США, так и заразительную силу успехов демократии: островок демократии в ЦА – Кыргызстан, также Грузия и Украина. В этих случаях эксперты нередко применяли словосочетание «инфекция» демократических преобразований, она стимулировала возникновение так называемых «волн демократизации», смены политических режимов и т.д.

4. Обратной стороной данного процесса и как следствие распространения «инфекционной болезни» в ряде стран СНГ произошла череда «цветных революций»: «революция роз» в Грузии (2003); «оранжевая революция» на Украине (2004) и «Майдан» (2014); в Кыргызстане – «тюльпановая» (2005) и вторая «дынная» революции (2010). Также были отмечены попытки революций в Беларуси – «Васильковская» (2006), и «цветные» в Армении (2008) и Молдове (2009). Акции протеста против фальсификации выборов в России в 2011-2012 гг. многие политические и общественные деятели назвали попыткой осуществить цветную революцию. Такая оценка событий неоднократно звучала как со стороны организаторов акций, так и со стороны их противников, представителей власти, наблюдателей и экспертов.

Название «цветные революции» они получили не только потому, что в качестве эмблемы были выбраны цветы и яркие цвета. Важно также, что на фоне социальной и политической дестабилизации применялись ненасильственные методы – массовые уличные протесты населения, забастовки, без военного участия, но с участием подготовленных извне «активистов» революции, при консультативной поддержке Запада. Как правило, начинала «революционные» действия оппозиция, недовольная результатами выборов, так как ее объявляли проигравшей. Как считает Эрик Бьернлунд, успех «революции, порожденной выборами», поднял важный вопрос о характере зарубежной помощи, которая оказывается неправительственным демократическим движениям [5].

В ряде стран было проведено повторное голосование (Украина), либо толпа силой захватывала здания органов власти (Грузия, Киргизия и Украина в 2014 г.), что привело к бегству руководителей государств с последующим проведением новых выборов и сменой политического режима. Итак, в странах, переживших Цветную революцию, режим управляемой демократии

был заменен на обычную демократию. В некоторых странах также произошла смена правящих элит [6].

5. Повышенное внимание к центральноазиатским СМИ и их поддержка с целью развития более профессиональной, объективной и независимой прессы. Не получая от государства льгот для развития, их финансирование из-за рубежа осуществляется через частные каналы. Внешнее информационное давление, вплоть до информационный войн, ведущихся через СМИ, Интернет, социальные сети – фактор влияния на демократический процесс. Власть, как правило, с трудом реагирует на быстрые изменения в глобальном мире, а информационные агентства с долгим опытом работы в период противостояния двух систем, используют сегодня новейшие технологии. «Арабская весна», начавшаяся в 2011 г., явилась, по признанию экспертов, мощной апробацией возможностей Запада в информационном и силовом давлении на огромный регион арабского Востока с целью установления демократий. Процесс продолжается, поэтому окончательный вывод делать еще рано, а промежуточную политологическую оценку происходящего можно свести к следующему: комплексный метод и форма демократизации региона с точки зрения самой демократии является затратной, малоэффективной.

6. Международные неправительственные организации и программы помощи могут выступать проводниками внешнего влияния. Причем они действуют по согласованию с национальными правительствами, преследуя цели формирования гражданского общества, прививая демократические ценности и разделяемые значительной частью международного сообщества нормы поведения. Это относится к механизмам добровольного восприятия внешнего влияния. Среди многих НПО, имеющие, в том числе финансовую поддержку – «Национальный фонд поддержки демократии» (США), Фонд Карнеги за международный мир и др.

7. Различного рода образовательные программы и профессиональные обмены, предоставляемые молодежи стран с авторитарным и недемократическим правлением, может рассматриваться как мягкая демократическая сила. Не отставать от современного прогресса, потребность в специалистах вынуждает авторитарные режимы допустить активную академическую мобильность между странами, тем самым рискуя впоследствии приобрести в их лице подготовленную оппозицию, и даже противников существующего политического строя.

8. Использование экономического давления и санкций для экономического ослабления режима. США нередко прибегают к подобным методам ослабления авторитаризма, принимая специальные поправки через Конгресс или лоббируя приостановку займов, внешней помощи через международные организации. В настоящее время разгорелась санкционная война между Западом Россией, что напрямую влияет на общественные настроения и на состояние политических режимов в ЦА. В качестве превентивной реакции на возможное внешнее влияние и расшатывание режимов проводятся выборы. Так, в преддверии парламентских выборов в Таджикистане, которые назначены на 1 марта 2015 г., власти ужесточили контроль по всей стране. 28 марта проведены президентские выборы в Узбекистане, и действующий президент набирает преимущественное число голосов, не уступая место своим «конкурентам». 26 апреля 2015 г. пройдут выборы Президента Казахстана, с большой долей уверенности победу здесь тоже одержит действующий глава государства.

9. Принуждение к демократии происходит в том случае, когда условия демократизации нельзя назвать благоприятными. Идет «жесткое давление», демократизация извне через принуждение часто принимает форму прямого конфликта. Использование силы носителями демократии отличает «принуждение» от других форм продвижения демократии. Чаше всего используются контроль, обусловленность и военная оккупация в целях насаждения демократического режима. Принуждение чаще всего применяется по отношению к жестким авторитарным режимам, в которых политическая оппозиция загнана в подполье. Под контролем и обусловленностью понимается оказание политического или экономического давления на правительство, нежелающее следовать нормам и предписаниям соответствующего одного или группы международных акторов.

Заключение

В отношении процессов демократизации *внешний фактор* может способствовать, так и препятствовать их развитию. Иными словами, внешнее воздействие может быть негативным и позитивным. Как показывает практика, далеко не всегда принудительное воздействие оказывается эффективным. Не всегда однозначно оценивается внутри стран-доноров такая помощь по предоставлению значительной части имеющих-

ся у них ресурсов для оказания давления на недемократические правительства, для поддержки молодых демократий. Феноменом современных режимов центральноазиатских государств является достаточно высокая степень внутренней укорененности авторитаризма, с которым бес-

конфликтно и вполне цивилизованно уживается мир западной демократии.

Таким образом, оценивать роль внешнего фактора в продвижении демократии сегодня еще рано, поскольку в странах ЦА процесс демократизации продолжается и далек от завершения.

Литература

- 1 Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman: Oklahoma University Press, 1991.
- 2 Bunce V. The Political Economy of Postsocialism // *Slavic Review*. Vol. 58. Winter 1999. P. 756–93; Fish M. S. The Determinants of Economic Reform in the Post-Communist World // *East European Politics and Societies*. Vol. 12. Winter 1998. P. 31–78; McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // *World Politics*. Vol. 54. Jan. 2002. P. 212–244.
- 3 Губайдуллина М.Ш. Политический транзит Республики Казахстан // *Внешнеполитическая ориентация стран ЦА в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений*. – Бишкек, 2009. – С. 45–52.
- 4 Солженицын А.И. Интервью газете «Московские новости», 28 апреля 2006 г. Published on noblit.ru: [http://noblit.ru/node/1041]
- 5 Eric Bjornlund. Beyond free and fair: monitoring elections and building democracy. Washington, 2004. – С. 249.
- 6 See: McFaul, Michael. Transitions from Postcommunism // *Journal of Democracy*. – 2005, July. – Vol. 16, No. 3. – P. 5-19; Stoner-Weiss, Kathryn. After the Collapse of Communism. Comparative Lessons of Transition. – Cambridge University Press, 2010. – 272 p.; Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World/ Ed. by Valerie Bunce. – New York: Cornell University, 2010.

References

- 1 Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman: Oklahoma University Press, 1991.
- 2 Bunce V. The Political Economy of Postsocialism // *Slavic Review*. Vol. 58. Winter 1999. P. 756–93; Fish M. S. The Determinants of Economic Reform in the Post-Communist World // *East European Politics and Societies*. Vol. 12. Winter 1998. P. 31–78; McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World // *World Politics*. Vol. 54. Jan. 2002. P. 212–244.
- 3 Gubaydullina M.Sh. Politicheskiy tranzit Respubliki Kazakhstan // *Vneshnepoliticheskaya oriyentatsiya stran TSA v svete global'noy transformatsii mirovoy sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy*. – Bishkek, 2009. – S. 45–52.
- 4 Solzhenitsyn A.I. Interv'yū gazete «Moskovskie novosti», 28 aprelya 2006 g. Published on noblit.ru: [http://noblit.ru/node/1041]
- 5 Eric Bjornlund. Beyond free and fair: monitoring elections and building democracy. Washington, 2004. – С. 249.
- 6 See: McFaul, Michael. Transitions from Postcommunism // *Journal of Democracy*. – 2005, July. – Vol. 16, No. 3. – P. 5-19; Stoner-Weiss, Kathryn. After the Collapse of Communism. Comparative Lessons of Transition. – Cambridge University Press, 2010. – 272 p.; Democracy and Authoritarianism in the Postcommunist World/ Ed. by Valerie Bunce. – New York: Cornell University, 2010.